

Научная статья

УДК 821.161.1+82-1/-9

DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-71-84

Жанровая система «японских» произведений Венедикта Марта раннего периода

Ксения Александровна Землянская

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

phlox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

Аннотация

Проза и поэзия дальневосточного писателя Венедикта Марта дает яркие образцы произведений, в которых писатель художественно осмысляет фронтирную реальность первых десятилетий XX в., культуру и быт самых разных народов Дальнего Востока. Личность писателя Венедикта Марта (1896–1937) вместила радостное детство на периферии Российской империи, воспитание в семье известного приморского краеведа, участие в культурной жизни Владивостока и Харбина 20-х гг., стремление встроиться в советскую литературу. Сегодня богатое творческое наследие Венедикта Марта начинает возвращаться уже к российскому читателю. До сих пор остаются неизученными «японские» произведения писателя. В статье представлен жанровый анализ произведений Венедикта Марта, связанных с Японией и японцами в ранний (владивостокский) период творчества. В пору модернистских поисков для писателя в осмыслении японской темы становятся органичными отдельные жанры классической японской литературы – танка, хокку, дзуйхицу, кайдан. Март чутко реагирует на изменения в современной ему японской литературе, в которой происходит модернизация классических жанров, сопрягая интерес к Востоку с пристальным вниманием к художественным открытиям русской литературы начала XX в. Помимо следования стилевым принципам того или иного жанра, писатель соблюдает ведущий эстетический принцип японской литературы – моно-но аварэ. Освоение японской жанровой системы, осознание эстетики японского взгляда на мир и его постижение средствами художественной литературы становятся для писателя способом вживания в мир чужой культуры и формирования собственного стиля. Так формируется его уникальный образ восприятия Японии – через металитературную рецепцию.

Ключевые слова

Венедикт Март, художественная этнография, жанры, японская литература, моно-но аварэ, танка, хокку, дзуйхицу, кайдан, металитературная рецепция

Для цитирования

Землянская К. А. Жанровая система «японских» произведений Венедикта Марта раннего периода // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 2. С. 71–84. DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-71-84

© Землянская К. А., 2024

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2024. № 2. С. 71–84
Plot Description and Analysis, 2024, no. 2, pp. 71–84

The Genre System of the “Japanese” Works of Venedikt Mart of the Early Period

Kseniya A. Zemlyanskaya

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
phlox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

Abstract

The prose and poetry of the Far Eastern writer Venedikt Mart provides vivid examples of works in which the writer artistically comprehends the frontier reality of the first decades of the 20th century culture and life of various peoples of the Far East. The personality of the writer Venedikt Mart (1896–1937) included a joyful childhood on the periphery of the Russian Empire, upbringing in the family of a famous coastal local historian, participation in the cultural life of Vladivostok and Harbin in the 20s, and the desire to integrate into Soviet literature. Today, the rich creative heritage of Venedikt Mart is beginning to return to the Russian reader. The writer’s “Japanese” works still remain unexplored. The article presents a genre analysis of Venedikt Mart’s works related to Japan and the Japanese in the early (Vladivostok) period of creativity. At the time of modernist searches, certain genres of classical Japanese literature – tanka, haiku, zuihitsu, kaidan – become organic for a writer in understanding the Japanese theme. Mart is sensitive to changes in contemporary Japanese literature, in which there is a modernization of classical genres, combining interest in the East with close attention to the artistic discoveries of Russian literature of the early 20th century. In addition to following the stylistic principles of a particular genre, the writer observes the leading aesthetic principle of Japanese literature – *mono no aware*. Mastering the Japanese genre system, understanding the aesthetics of the Japanese view of the world and comprehending it through the means of fiction become a way for the writer to get used to the world of a foreign culture and form his own style. This is how his unique image of perceiving Japan is formed – through metaliterary reception.

Keywords

Venedikt Mart, artistic ethnography, genres, Japanese literature, *mono no aware*, tanka, haiku, zuihitsu, kaidan, metaliterary reception

For citation

Zemlyanskaya K. A. The Genre System of the “Japanese” Works of Venedikt Mart of the Early Period. *Plot Description and Analysis*, 2024, no. 2, pp. 71–84. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-71-84

Японская культура для русского человека до середины XIX в. оставалась terra incognita. Именно к этому времени завершился период самоизоляции страны и началось активное ее взаимоотношение с остальным миром. В начале XX в., несмотря на поражение русских в Русско-японской войне, возникает интерес к недавнему врагу; отношения двух стран еще носят нестабильный характер с большой долей недоверия друг к другу. В этот период русская словесность открывает для себя красоту японской литературы, русские писатели начинают встраивать в художественное пространство своих произведений японские мотивы, осваивать образы японской культуры [Азадовский, Дьяконова, 1991; Коньшина,

2006]. Чтобы ближе познакомиться с Японией, некоторые писатели даже предпринимали путешествие в Страну восходящего солнца. Так, путешествуя с лекциями по Российской империи, в 1916 г. Константин Бальмонт приезжает во Владивосток, встречается с приморскими читателями, близко общается с сотрудниками редакции газеты «Далекая окраина». В это время у писателя еще не было четкого намерения поехать в Японию, но восторженное отношение к Японии среди приморской интеллигенции сподвигло его на путешествие в Страну восходящего солнца. Чуть позже Японию посетит футурист Давид Бурлюк.

С конца 1860-х гг., когда в Приморье интенсивно начали строиться города, осваивались разные сферы производства, осуществлялась переселенческая политика государства на Дальний Восток, регион испытывал нужду в рабочих ресурсах. Потому одновременно с переселением русских и украинцев в регион хлынул огромный поток китайцев, корейцев и японцев. Японцы, которых среди иностранного населения региона было не столь много, заняли сферу обслуживания: «японцы старались захватить в свои руки те отрасли труда, которые более подходят их характеру, т. е. те, которые не требуют грубой силы, а напротив, аккуратности, чистоты и некоторой смекалки, и в этом они достигли выдающихся результатов»¹. Они работали в парикмахерских, прачечных, ювелирных и часовых мастерских, студиях фотографии и домах терпимости. Японское население, в отличие от китайского и корейского, было сконцентрировано в крупных приморских городах. При этом японцы были встроены в общественную жизнь региона (японские общества, защищающие их интересы, школы, буддийская молельня для отправления религиозных обрядов).

Отдельного района для проживания японцев во Владивостоке не было, японцы жили «впережку с местным населением» [Моргун, 1996, с. 93]. Активно развивалось японское предпринимательство, в отдельных сферах общественного обслуживания процветали японские монополии. В начале 1918 г. Владивосток заняли японские военные; в июне уже высадился вооруженный десант, началась японская интервенция, продлившаяся до 1922 г. [Кондратенко, 2018; Гельман, 2023]. Примерно в эти годы во Владивостоке начала выходить газета для японцев на русском, а потом и японском языке «Урадзио-ниппо» («Владиво-ниппо»), где редактором был Арсений Несмелов. Он отмечал, что Владивосток «до отказа был набит японцами, чехами, французами и еще невесть кем»².

В период Гражданской войны литературный Владивосток весь ушел в постижение новомодного футуризма. Пристальное внимание к японской культуре и литературе проявлял Венедикт Март (1896–1937). Сын известного дальневосточника-краеоведа Николая Матвеева, он уже в раннем творчестве, зная в совершенстве японский язык, переводит стихи японских классиков, пробует создавать собственные произведения на японскую тематику. Образ Японии и японцев станет одним из интереснейших в художественной этнографии писателя [Забияко, 2012, с. 181].

¹ Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет уполномоченного М-ва ин. дел В. В. Граве. СПб., 1912. С. 204.

² Несмелов А. О себе и о Владивостоке // Несмелов А. Собр. соч.: В 2 т. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. Т. 2: Рассказы и повести. Мемуары. С. 466.

Семья Матвеевых была тесно связана с Японией. Н. П. Матвеев был весьма популярен в японской писательской среде, «его сборник “Стихотворения, пародии, подражания” был переведен на японский язык и оказался в руках читателей Страны восходящего солнца»³. Н. П. Матвеев с детства прививал любовь к этой стране, языку и японской культуре своим детям.

Очевидно, что Венедикт Март пристально изучал жанровую систему японской литературы. При публикации собственных танка и хокку он добавляет лиризованные теоретические постулаты, касающиеся принципов японского стихосложения: «Маленькие, пятистрочные, сочно набросанные штрихами, чисто-импрессионистские стихотворения у японцев называются – “Танка”; сотканное из <...> оттенков, причудливейших настроений, из звуковых тончайших эффектов, постижимых только при глубоком знании и понимании языка, жизни и природы народа, душа которого “подобна восходящему к солнцу, аромату вишни”»⁴. Постигание японской культуры происходит у писателя через металитературную рецепцию – восприятие писателем литературной традиции японской литературы, создание образа восприятия литературы Японии, «усвоение тем, мотивов, образов, сюжетов, жанровых и стилизованных форм <...> литературы в целях обогащения своего писательского арсенала традицией чужой культуры и обнаружения точек соприкосновения этой чужой культуры со своей» [Сенина, 2018, с. 146].

В сборнике «Песенцы» (1917) Март опубликует переводы с японского танка Микадо Мацухито⁵, Очайай Наобеми⁶ и Ёсано Акико⁷, а также собственные танка и хокку. В одной из заметок брата Венедикта Марта Н. Н. Матвеева-Бодрого отмечено, что «лучший знаток японского языка проф. Статвин отмечает дух языка, восточный колорит танка и хокку “Песенцев”»⁸. Но не только стилизация была художественным коньком «японских» произведений В. Марта.

В 1918 г. Н. П. Матвеев выхлопотал для сына визу в Японию. Венедикт Март путешествует по Японии и присылает свои заметки о Стране восходящего солнца в газеты и журналы Владивостока. О том периоде своего художественного становления он подробно рассказывал позднее – на допросе по уголовному делу 1937 г.:

- Чем вы занимались в Токио?
- Формально, литературой, а так, кутил и увлекался японками.
- В Токио вы жили полтора месяца. О какой литературе идет речь?
- Написал книгу “Лепестки сакуры”, которая вышла во Владивостоке отдельным изданием. <...>

³ Письмо Н. Н. Матвеева-Бодрого Рае (?) от 22.05.1971 г., машинопись // Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1225. Л. 47.

⁴ Март В. Лепестки Сакуры. Танки и хокку // Март В., Безе. Лепестки Сакуры. Письма Японской Мусмэ. Владивосток: Свободная Россия, 1919. С. 33.

⁵ Микадо Мацухито (1852–1912) – 122-й император Японии. Писал стихи в жанре танка, а позднее и поэмы.

⁶ Очайай Наобеми (1861–1903) – японский поэт и ученый.

⁷ Ёсано Акико (1878–1942) – японская поэтесса.

⁸ Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1225. Л. 51.

– На какие средства вы кутили и увлекались японками?
– Я был тогда молод, и мне для этого особенно не требовалось средств⁹.

Во время путешествия по Японии Март знакомится со знаменитыми японскими поэтами Ёсано Тэкан (настоящее имя – Хироси) и Ёсано Акико, которым посвящает статью и стихи которых переведет для дальневосточного читателя¹⁰.

После возвращения во Владивосток он продолжит публиковать в приморской прессе статьи о Японии¹¹, постигать японскую культуру, приближая ее к русскому читателю. Он пытается принять чужое в понятных для него формах. Для писателя становится нормой облекать восприятие инокультуры в жанровые формы воспринимаемой культуры, о которой он пишет. В поэзии этими формами становятся классические жанры танка и хокку, для прозы он выбирает жанр дзуйхицу и кайдан. И Март тонко улавливает основной принцип классической японской литературы – эстетический принцип моно-но аварэ¹².

Несмотря на утверждение самого Марта о том, что танка и хокку не знают ритма и рифмы, в своих опытах писатель использует и ритм, и рифму: «Черные миги / Прносятся в памяти, / Точно вериги». Наследуя традициям русской литературы, русский писатель не может в собственных стихотворениях обойти стороной преимущества фонических возможностей русского языка. Опыты Марта в жанре танка и хокку созвучны тем изменениям, которые происходят в японской литературе тех лет – поиск новой формы стиха (Тояма Масакадзу, Ятабэ Рёкити, Иноуэ Тэцудзиро). В переводах же классических танка и хокку Март соблюдает все требования строгих жанровых форм японской поэзии: «Не впустил под кров. / Но за зло благодарю: / Есть во зле добро: / Я под вишней отдохну / При сиянии луны»¹³. Помимо обогащения фонической стороны танка, Март привносит в него и свои мрачные образы, которыми наполнена его «неяпонская» поэзия тех лет: «Черные миги / <...> // Кровавыми четками / <...>»¹⁴; «Давит, душит сплин! / Ленты кружатся в венках. / Вереница спин. // Безысходная тоска! / Боль щемящая в висках!»¹⁵

Именно моно-но аварэ позволяет Марту выразить эмоциональное состояние лирического героя, показать восхищение, смешанное с удивлением: «Слова кузнецы / Звенья – звонкие слова / Ваши первенцы / Пусть, как неводы ловца / Стротут жуткие сердца»¹⁶.

Первая попытка писать о Японии, не видя ее, по воспоминаниям отца, лишена этого ускользающего ощущения, это больше похоже на попытку осмыслить повседневное впечатление туриста от экзотической страны. В миниатюре «Я хочу

⁹ Уголовное дело № 642 по обвинению Матвеева В. Н. (начато 11 июня 1937 г., окончено 11 августа 1937 г.) / Отв. ред. М. Тесли. СПб., 2020. С. 16–17.

¹⁰ Матвеев В. Современные японские поэты // Природа и люди Дальнего Востока. 1918. № 1. С. 14; № 2. С. 5–6, 12.

¹¹ Трам В. Новое японское искусство // Эхо. Владивосток, 1919. № 25. 30 марта. С. 6.

¹² Демкина Н. Азбука японской эстетики: моно-но аварэ // Российская государственная библиотека. 27.01.2023. URL: <https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/lections/azbuka-yaponskoj-estetiki-mono-no-avare> (дата обращения 05.04.2024).

¹³ Март В. Песенцы. Владивосток: Хай-шин-вей, 1917. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ Март В. Танки. Поэтам // Лель. Владивосток, 1919. № 6. 19 дек. С. 3.

снега»¹⁷ писатель описывает рождественскую службу в православной церкви на «*Minamiya-mate*» в Нагасаки. Это была единственная православная церковь в городе. Она была построена в 1883 г. и располагалась рядом с русским консульством во дворе морского госпиталя. Была закрыта в 1932 г. В начале XX в. русская колония в Нагасаки была самой многочисленной – 142 человека. В основном это были предприниматели и люди, связанные с флотом [Хисамутдинов, 2013, с. 80–90]. Писатель отмечает те реалии, что удивляют его: сейсмичность региона, теплый климат в начале года, специфику построения домов, особенности речи японцев, неспособных проговорить отдельные звуки, столь привычные для русской речи. Необычность / чуждость русскому сознанию японской жизни наиболее ярко выражает реакция маленькой девочки, которая ждет на Рождество снега, связывая именно с ним приход Деда Мороза. Если взрослые члены русской колонии в Японии готовы привыкнуть к новым реалиям окружающей жизни, то ребенку это сделать очень сложно. Детское сознание подмечает иное вокруг себя, непосредственно выражая свои ощущения. Здесь Март попытался посмотреть на чужой мир глазами ребенка, высветить инаковость чужой культуры через незамутненное сознание ребенка.

Уже после своей поездки в Японию Март напишет произведение «Токийские наброски. И – он!.. (под шум дождя)»¹⁸. Возможно, первое название является определением жанровой принадлежности произведения, данное самим писателем. Но по форме его можно отнести к традиционному японскому жанру дзуйхицу (яп. 随筆, «вслед за кистью») – лирико-повествовательное рассуждение: «писать так, как придется, писать то, что придет на ум: <...> мысли, сентенции, воспоминания, наблюдения, факты и т. д.» [Конрад, 1973, с. 198–199]. Для дзуйхицу главным является элемент «рассуждения», ему подчиняется всё повествование [Григорьева, 1998], «авторские эмоции чисто лирического порядка» его воплощают [Конрад, 1973, с. 199]. Жанр дзуйхицу во многом отражает и философию мгновенности («Записки у изголовья» Сэй-сэнагон).

В «Токийских набросках» рассказчик в дождливую погоду нанимает коляску с курумой (рикшей). Мы не знаем, куда едет герой, почему; он полностью погружен в свой внутренний мир. Весь его облик складывается из ощущений от окружающего пространства. Читатель узнаёт, о чем думает герой, но это не описание его переживаний, а лишь перечисление тем: «Я думал о красоте, о дождливых вечерах, о вчерашнем дне, о моем галстухе, о какой-то девушке, которая с зонтиком переходила улицу, о зонтиках, о Ницше, об английском языке, о тротуарах, о пиве и еще, и еще...»¹⁹. Ведущими становятся монтажный принцип композиции и спонтанность художественной рефлексии, обращенной на самого субъекта творчества.

Рассказчик настолько погружен в себя, что в финале небольшого путешествия чувствует единение, схожесть со своим перевозчиком, с этим представителем иной культуры – выходит, что люди, несмотря на внешние различия, внутри похожи, они думают и мыслят одинаково: «Я взглянул на его профессионально-

¹⁷ Март В. Я хочу снега // Всемирная панорама. 1916. № 351-2, 8 янв.

¹⁸ Март В. Токийские наброски. И – он!.. (Под ритм дождя) // Великий Океан. Владивосток, 1918. № 6, июнь. С. 20–21.

¹⁹ Там же. С. 21.

привычную улыбку... И вдруг понял, что и он тоже всю дорогу думал, думал, думал под дождем!.. И – он!!! – Боже! о чем он думал?! О своей, – вчера умершей жене, о 70 заработанных иенах?!.. Или, быть может, как я, небрежно тосковал и думал наугад, зря... а икры мокли и ныли!»²⁰

Понимание родства с курумой рождает в сознании рассказчика эмоциональный подъем. Обыденное повседневное событие приводит к эмоциональному открытию, которое поражает героя. Именно так работает японский принцип моно-но аварэ; здесь восхищение смешивается с удивлением. И, как в классических японских произведениях, герой оказывается способен к сопереживанию, к постижению истинной природы человека. Это чувство моно-но аварэ («очарование вещей») и рождается от переполненного чувствами сердца. Герой смотрит на куруму и отождествляет себя с ним на глубоком эмоциональном уровне. Это чувство помогает герою пережить момент единения с представителем иной культуры, испытать состояние естественной гармонии с ним.

Дальнейшим осмыслением жанра дзуйхицу становится публикация Марта «Лепестки Сакуры (Танка и Хокку)» в приморской газете «Эхо» (под псевдонимом В. Трам)²¹. С одной стороны, это лиризованный рассказ о периоде цветения сакуры в Японии. С другой – лирическая миниатюра о любовном томлении желтоликого юноши, которому цветущая сакура закрыла обзор на окно возлюбленной Синобе. «Еще снег вчерашний не растаял на наших улицах <Владивостока. – К. З.>, а возле – за морем вся страна Восходящего Солнца зацвела вишневым садом. <...> Сакура – символ японского древнего Духа. Старый поэт Ямато²² душу Японии осветил танкой: “Если спросят какова душа твоя? скажу: она подобна легчайшему аромату горной вершины, и восходящему навстречу солнцу”. Вся Япония ныне дышит сакурой. Из провинций в центральные города совершаются целые паломничества любоваться столицами, утопающими в бледных цветках. Никогда Япония не живет так восторженно и лихорадочно, как в этот кратчайший период цветения вишни. Цветковый праздник – ликование веснь»²³. Прозаическое повествование прерывается вкраплениями танка и хокку. Каждая часть прозаического текста служит «расшифровкой» для последующего танка или хокку:

Вот юноша желтоликий вечно переглядывается через сад с плутовской Синобе.
Сад вишневый и до исхода марта редкие кусты не закрывают от его горящих взоров
окна возлюбленной, которая живет через сад... Но вишня расцвела...

Вишня вся в цветах
Мне в окно соседки так
Вовсе не видать...
Но когда цветы спадут
Мы увидимся опять²⁴.

В японской дневниковой прозе, новеллистике и в жанре дзуйхицу соединение прозаического и стихотворного начал было распространено. Классическим при-

²⁰ Март В. Токийские наброски. И – он!.. (Под ритм дождя). С. 21.

²¹ Трам В. Лепестки Сакуры (Танка и Хокку). С. 5

²² Ямато (яп. 大和, «великая гармония, мир») – древнее государственное образование III–VIII вв. В 670 г. переименовано в Ниппон (яп. 日本) – «Японию».

²³ Трам В. Лепестки Сакуры (Танка и Хокку). С. 5.

²⁴ Там же.

мером этой традиции может служить собрание новелл «Исэ-моногатари». С точки зрения В. Н. Горегляда, описание ситуации традиционно выражалось в прозе, а стихотворный фрагмент становился лирическим выражением чувств героя; «чувство инспирировалось ситуацией» [Горегляд, 1975, с. 263]. В литературе XX в. эта традиция найдет свое яркое воплощение в дзуйхицу Кавабата Ясунари «Красотой Японии рожденный».

Все танка и хокку газетных «Лепестков сакуры» писатель опубликует отдельно от прозаического повествования в сборнике «Лепестки Сакуры» (1919). Эти танка и хокку объединены только временем и местом написания: «Апрель. 1918 год. Япония. Токио. Тигровые ворота»²⁵. Все танка и хокку в сборнике можно читать как отдельные произведения, посвященные символу Японии – цветущей сакуре. В одной из рецензий на этот сборник безымянный критик признается, что «знакомство <с танка и хокку Марта. – К. З.> действует на нас крайне освежающе»²⁶. Таким образом, один и тот же материал позволил писателю воплотить его в двух независимых друг от друга формах – в жанре дзуйхицу и в сборнике танка и хокку. В жанре танка и хокку для Марта выражена вся сущность Японии. Помимо сугубо теоретических выкладок о жанре, опубликованных в конце сборника «Лепестки Сакуры», Март предлагает поэтическое осмысление этого древнего японского поэтического жанра для русской аудитории: «Хрупкий тонкий сон / Чужестранки танка звон – / Пять звенящих струй / Танка звонкая струна / В танка рдяная страна»²⁷.

В этот же год писатель напишет произведение о японском водяном – Каппе. Повествование об этом персонаже японского фольклора Март воплотит в популярной в Японии фольклорно-мифологической разновидности жанра кайдана – повествовании о сверхъестественном или необычайном.

Характерными особенностями жанра кайдана, помимо включения повествования о встрече с мифологическим существом, являются введение реального исторического времени и географического пространства, отчуждение рассказчика от читателя [Дуткина, 1992, с. 11]. «Фольклорно-мифологический тип кайдана основан на древних народных верованиях и суевериях и тяготеет к фольклорной быличке. Основные его сверхъестественные герои – духи и оборотни, в основном зооморфной природы» [Там же, с. 12]. Кайдан этого типа представляет собой переходную форму от записи факта к литературе. На рубеже XIX–XX вв. жанр кайдана переживает процесс модернизации: «происходит изменение внешних признаков кайдана (атрибутика), а также внутренних характеристик (дальнейшая индивидуализация рассказчика, выразившаяся во введении некоего иллюзорного персонажа, введение приема мистификации, смещение повествования в область гипотетического» [Там же, с. 14]. По форме кайдан этого типа может представлять мемуар или фабулат. «Сверхъестественный персонаж описывается с избыточностью деталей, зато сведения о главном герое скупы; место и время события обозначаются со скрупулезной квазидокументальной достоверностью. Так достигается совмещение “исторического” и “мифологического” времени, “географиче-

²⁵ Март В. Лепестки Сакуры. Танки и хокку. С. 30.

²⁶ [Без подписи]. Венедикт Март. Песенцы, Черный дом, Изумрудные Черви, Фаин, Лепестки Сакуры [Рецензия] // Великий океан. Владивосток, 1920. № 4–6, 27 марта. С. 132.

²⁷ Март В. Танки. Поэтам. С. 3.

ского” (реального) и “мифологического” пространства» [Дуткина, 2016, с. 29–30]. Интерес к кайдану в начале XX в. был связан с призывом к сохранению национальной самобытности, поиском национальных корней из-за чрезмерной европеизации Японии.

Жанр «Каппы» для русского читателя Март не обозначает, но в целом соблюдает жанровые признаки жанра кайдана. В центре повествования встреча японца Канады и русского рассказчика. Про него мы ничего не знаем, но понимаем, что он не японец, но с радостью воспринимает всё японское, как материальное, так и духовное. Каждый вечер у них происходит беседа о той или иной стороне японской культуры. Место действия указано достаточно подробно: «Среди других кварталов Токио, мне особенно полюбился – квартал Трана-мон – Тигровые ворота. / В моем бумажном павильоне Мацуя, прозванном именем Сосны, по вечерам как-то необычайно гулко...»²⁸. Март выбирает форму фабулата, прямо указывая на него: «Каждый день вечером он приходит ко мне и подолгу с неустанным воодушевлением рассказывает о своей древней Ямато, о гордых самурайских временах, об утраченном былом»²⁹. Предметом разговора для данного вечера становится рассказ о Каппе – страшном и опасном японском водяном. Этот намек на серийность повествования также является отличительным признаком кайдана. Традиционные кайданы легко образовывали сборник или серию рассказов о необычайном, например, «Тоноигуса» («Рассказы ночной стражи»), «Сто рассказов», «Рассказы из всех провинций», «Ночные рассказы». Был ли у Марта замысел включить «Каппу» в сборник, нам неизвестно, но художественно это можно было легко осуществить, сюжетная «рама» для этого уже была обозначена. Композиционно, с одной стороны, повествование представляет собой рассказ о Каппе рассказчика, который смотрит на изображение его на японском лубке. С другой стороны, это живой рассказ самого японца, который верит в существование этого фольклорного существа. Этот рассказ писатель внешне обрамляет формой интервью, создавая цепь «нелепых» вопросов, чтобы постигнуть «вымысел желтоликих древнецов». Внешний вид Каппы дан самим рассказчиком, смотрящим на его лубочное изображение:

Корявый, треннажисто-бородавчатый, слизистый, отвратительный Каппа уродливый и гадней всех гадов, кошмарней самой отвислой гнилой фантазии безумца. Настороженно скорченные трехпалые лапы-весла-плавники, с острующими когтями, – куце неравные, прижатые к жабьеголому слякотному брюху. Дряхлые чешуйчатые складки-грибки под мордой на шее. Широкая морда – лик человеческий, получертов. Выпуклые скулы, торчащие под самыми жирными ушами. Сплюснутый нос с вывороченными ноздрями. Пасть зверя. Жадно и зло выпученные желтые глазища в рамках окрестных складок и безбровых век. Над ушами на лбу и у темя торчит кой-где иглисто-редкая черная и сизая щетина волос. Гладкая и острая, как у бонз древних, плешь. И вдруг – чудова неожидань вокруг плещи, как ручка, – не то хрящ дуговидный прикрепленный по бокам к черепным костям, не то кость перегнутая³⁰.

²⁸ *Трам В.* Каппа душа и огурец // Лель. Владивосток, 1919. № 3. 29 нояб. С. 4.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Детальность описания необходима, чтобы всецело ощутить вид этого существа, вызывающего отвращение у героя. Металитературная рецепция сопряжена в «Каппе» с модернистскими поисками самого Марта в области художественного языка, здесь Март «проявляет себя как мастер орнаментальной прозы – продолжатель традиций Ремизова и Белого» [Забияко, Левченко, 2014, с. 190].

Выбор японских жанровых форм был художественно близок творческим поискам Венедикта Марта. Интерес к восточной культуре, ее традициям соединен у писателя с пристальным вниманием к сфере повседневного. Выражением этого интереса уже на «японском» материале стал рассказ «Почтовая марка» с подзаголовком «рассказ из современной японской жизни»³¹. В фокусе интереса писателя повседневный быт одного богатого японского семейства. Героиня рассказа «стройная прекрасница» Егучи-сан, любимица отца, интересуется всем западным. В тот период интерес к западной культуре был веянием времени. Слишком долго Япония была закрытой страной. В рассказе эта тяга к Западу в первую очередь выразилась в ее непреодолимом желании иметь рояль. Свои национальные музыкальные инструменты – кото и сямисэн <в рассказе он назван шамисен по традиции его произношения. – К. З.> – она забрасывает.

Март наполнил рассказ многочисленными этнографическими деталями японской жизни богатой семьи, которая может позволить себе «почти игрушечный домик» с тонкими стенами вблизи города, богатый разнообразием сад («разнообразные яркие цветы, апельсиновые деревья и карликовые сосенки, которые судорожно и цепко лепились на причудливых камнях-островках пруда») и пруд с золотыми рыбками в нем («Их было много – золотых и черных рыб, и они всегда резвились под ее окном в широком искусственном пруду»³²). Помимо деталей убранства японского дома с многочисленными передвижными стенами, циновками по всей длине пола, Март скрупулезно описывает одежду молодых богатых японок на примере нарядов Егучи-сан: «Наряжалась Егучи в изящные цветные кимоно, разрисованные ее любимыми цветами: стройными, легчайшими ирисами; пышными, мохнатыми хризантемами, или нежными цветущими ветками Сакуры. В просторных складках широких подрукавников ее всегда лежали: душистый шелковый платок, узорчато-резной складной веер и легкие краски для губ и щек»³³. Всё это было традиционно для богатой незамужней девушки в Японии тех лет³⁴. Март в изображении кимоно выделяет лишь то, что бросается чужестранцу в глаза в первую очередь: ярко расписанное кимоно и сверх широкие рукава традиционного японского одеяния, куда японки прятали нужные мелкие вещи³⁵. В третьей публикации этого рассказа уже в советском журнале «Ле-

³¹ *Трам В.* Почтовая марка. Рассказ из современной японской жизни // Эхо. Владивосток, 1919. № 40. 20 апр. С. 1–2.

³² Там же. С. 1.

³³ Там же.

³⁴ *Швейгер-Лерхенфельд А. Ф.* Современная Япония // Швейгер-Лерхенфельд А. Ф. Женщина, ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. СПб., 1885. С. 255–302; *Гессе-Вартег фон Э.* Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии. СПб., 1902. 285 с.; *Федоров М.* Япония и японцы. Страна, религиозный, государственный, общественный и домашний быт японцев: очерк. СПб., 1905. 170 с.; *Попов А. Д.* Краткий путеводитель по Японии. Владивосток, 1912. 87 с. и др.

³⁵ Карманов в кимоно не было.

нинград» Март наполнит художественный текст множеством комментариев, которые с чрезмерной детальностью должны помочь советскому читателю постигнуть экзотику восточной страны: «ложились, но тотчас же бережно отрывала шею от подушки, чтобы не испортить прически»³⁶. «Японки особенно много времени уделяют прическе волос... Самой причудливой формы, часто грандиозные и очень сложные, эти “сооружения” возводятся чуть ли не полсутки. Поэтому у японок – специальные подушечки, которые подкладываются как раз под шеей и т. о. прическа сохраняется несколько дней»³⁷.

Центральный конфликт рассказа – конфликт Запада и Востока – выражается во взаимоотношениях Егучи-сан и мистера Тичера, в которого она тайно влюблена. Она – духовно одаренная, поэтическая натура, для которой главное – это чувства, он же – коллекционер раритетных почтовых марок, готовый ради клочка бумаги на любые жертвы. Духовная восточная и материально ориентированная западная культуры в финале рассказа столкнутся. Егучи-сан, пытаясь раскрыть чувства своего возлюбленного, ставит его перед сложным выбором – или она, или драгоценная марка. Материалист Тичер без долгих размышлений выбирает марку.

В этом рассказе писатель показывает красоту материальной культуры Японии, ее богатство, духовный потенциал, ориентированность на философию, чувства, поэзию и созерцательность. С точки зрения Марта, приятие западной культуры – это лишь временное явление, которое не обогатит ни японскую культуру, ни самих японцев. Этот рассказ был интересен Марту, возможно, он видел в нем наиболее полное художественное постижение сути японской культуры. Если ранее постижение японской культуры было выражено через следование принципу мононо аварэ, то здесь от него Март уходит. Впоследствии этот рассказ он многократно переиздаст: и в Харбине³⁸, и в советском журнале³⁹.

В этом рассказе Март сосредоточен на постижении «души» Японии через изучение ее материальной культуры, использует средства психологического анализа, разработанные русской классической прозой. Именно такая тенденция существовала и в самой японской литературе того времени: японские писатели были ориентированы на классическую литературу XIX в., пытались следовать ее лучшим образцам. Как раз на рубеже XIX–XX вв. молодые японские писатели-реалисты, представители первой волны, обратились к проблеме места женщины в патриархальной семье, воспитанию молодого поколения и самоидентификации японца в окружающем его обществе [Садокова, 2017].

Художественное погружение в японскую культуру у Венедикта Марта начинается с изучения языка и рассказов отца об этой далекой стране и воплощается в форме миниатюры, созданной по русским жанровым моделям. Личный опыт посещения Японии, сближение с современными японскими писателями обогащают творческую манеру писателя, делают его произведения созвучными именно

³⁶ *Трам В.* Почтовая марка... С. 1.

³⁷ *Март В.* Почтовая марка // Ленинград. 1924. № 5 (21). 12 марта. С. 26.

³⁸ *Март-Матвеев В. Н.* Почтовая марка. Рассказ из современной японской жизни // Март-Матвеев В. Н. На любовных перекрестках причуды: новеллы-миниатюры. Харбин, 1922. С. 3–11.

³⁹ *Март В.* Почтовая марка // Ленинград. 1924. № 5 (21). 12 марта. С. 25–28.

японской литературе как на идейно-тематическом, эмоциональном уровнях, так и в жанровых формах японской литературы тех лет. Художественная этнография Венедикта Марта о Японии пронизана эстетикой моно-но аварэ и выражена в форме популярных классических жанров танка, хокку, кайдана, дзуйхицу, в русле тех модернизаций, которые происходили с ними в начале XX в. Процесс металитературной рецепции японской культуры проходит у Марта через переводы стихотворений классических японских поэтов, от стилизации к синтезу жанровых форм японской литературы с модернистскими находками русской литературы. Именно через металитературную рецепцию создается образ восприятия Японии и японцев у Венедикта Марта.

Список литературы

- Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.* Бальмонт и Япония. М.: Наука, 1991. 192 с.
- Гельман В. А.* Японская интервенция на Дальнем Востоке России // Вестник Бурят. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 1. С. 12–19.
- Горегляд В. Н.* Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М.: Наука, 1975. 381 с.
- Григорьева Т. П.* Вслед за кистью // Японские дзуйхицу. СПб.: Северо-Запад, 1998. С. 5–46.
- Дуткина Г. Б.* Традиции и развитие японского «повествования о необычайном» от средневековья к современности: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1992. 20 с.
- Дуткина Г. Б.* «Душа Японии» в зеркале японского кайдана // Японские исследования. 2016. № 3. С. 25–41.
- Забияко А. А.* Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 1920–1940 гг.) // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии. С. 181–202.
- Забияко А. А., Левченко А. А.* «Кошмарная чужь» японского бестиария: образ Каппы в русской литературе начала XX в. (В. Март) // Религиоведение. 2014. № 3. С. 187–195.
- Кондратенко Б. Б.* Характер японской военной интервенции на дальнем Востоке 1918–1922 гг. // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 19. С. 124–130.
- Конрад Н. И.* Очерки японской литературы. М.: Худож. лит., 1973. 463 с.
- Коньшина Н. Д.* Влияние японской культуры на литературу и живопись России конца XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2006. 201 с.
- Моргун З. Ф.* Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Изв. Восточного института. 1996. № 3. С. 90–108.
- Садокова А. Р.* «Первая волна» японского реализма: новые темы в литературе // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70), ч. 2. С. 36–39.
- Сенина Е. В.* Металитературная рефлексия китайской культуры в творчестве дальневосточных эмигрантов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 145–153.

Хисамутдинов А. А. Русские волны на Пасифике: из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.

References

- Azadovskiy K. M., Dyakonova E. M. Bal'mont i Yaponiya [Balmont and Japan]. Moscow, Nauka, 1991, 192 p. (in Russ.)
- Dutkina G. B. “Dusha Yaponii” v zerkale yaponskogo kaydana [“Soul of Japan” in the mirror of Japanese kaidan]. *Japanese Studies*, 2016, no. 3, pp. 25–41. (in Russ.)
- Dutkina G. B. Traditsii i razvitie yaponskogo “povestvovaniya o neobychnom” ot srednevekov'ya k sovremennosti [Traditions and development of the Japanese “narrative of the extraordinary” from the Middle Ages to the present]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1992, 20 p. (in Russ.)
- Gelman V. A. Yaponskaya interventsia na Dal'nem Vostoke Rossii [Japanese intervention in the Russian Far East]. *Bulletin of Buryat State University. Series: Humanities Studies of Inner Asia*, 2023, no. 1, pp. 12–19. (in Russ.)
- Goreglyad V. N. Dnevnik i esse v yaponskoy literature X–XIII vv. [Diaries and essays in Japanese literature of the 10th–13th centuries]. Moscow, Nauka, 1975, 381 p. (in Russ.)
- Grigoreva T. P. Vsled za kist'yu [Following the brush]. In: Japanese zuihitsu. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1998, pp. 5–46. (in Russ.)
- Khisamutdinov A. A. Russkie volny na Pasifike: iz Rossii cherez Kitay, Koreyu i Yaponiyu v Novyy Svet [Russian waves on the Pacific: from Russia through China, Korea and Japan to the New World]. Pekin, Vladivostok, Rubezh, 2013, 640 p. (in Russ.)
- Kondratenko B. B. Kharakter yaponskoy voennoy interventsii na dal'nem Vostoke 1918–1922 gg. [The nature of Japanese military intervention in the Far East 1918–1922]. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2018, no. 19, pp. 124–130. (in Russ.)
- Konrad N. I. Ocherki yaponskoy literatury [Essays on Japanese Literature]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1973, 463 p. (in Russ.)
- Konshina N. D. Vliyanie yaponskoy kul'tury na literaturu i zhivopis' Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [The influence of Japanese culture on literature and painting in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Cand. Diss. of Cultural Studies. Saratov, 2006. (in Russ.)
- Morgun Z. F. Yaponskaya diaspora vo Vladivostoke (stranitsy istorii) [Japanese diaspora in Vladivostok (pages of history)]. *News of the Eastern Institute*, 1996, no. 3, pp. 90–108. (in Russ.)
- Sadokova A. R. “Pervaya volna” yaponskogo realizma: novye temy v literature [“The first wave” of Japanese realism: new themes in literature]. *Philological sciences: questions of theory and practice*, 2017, no. 4 (70), pt. 2, pp. 36–39. (in Russ.)
- Senina E. V. Metaliteraturnaya refleksiya kitayskoy kul'tury v tvorchestve dal'nevostochnykh emigrantov [Metaliterary reflection of Chinese culture in the works of Far Eastern emigrants]. *Social and human sciences in the Far East*, 2018, no. 1, pp. 145–153. (in Russ.)
- Zabiyako A. A. Tekstologicheskie tropy dal'nevostochnoy etnografii (problema autentichnosti tekstov pisateley 1920–1940 gg.) [Textological paths of Far Eastern eth-

Сюжет, мотив, жанр

nography (the problem of authenticity of texts of writers of 1920–1940)]. In: Russkiy Kharbin, zapечатlenny v slove. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2012, iss. 5, pp. 181–202. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Levchenko A. A. “Koshmarnaya chud” yaponskogo bestiariya: obraz Kappу v russkoy literature nachala XX v. (V. Mart) [“Nightmare miracle” of the Japanese bestiary: the image of Kappa in Russian literature of the early twentieth century. (V. Mart)]. *Religious Studies*, 2014, no. 3, pp. 187–195. (in Russ.)

Информация об авторе

Ксения Александровна Землянская, старший преподаватель

Information about the Author

Kseniya A. Zemlyanskaya, Senior Lecturer

*Статья поступила в редакцию 18.02.2024;
одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 12.03.2024
The article was submitted on 18.02.2024;
approved after reviewing on 12.03.2024; accepted for publication on 12.03.2024*